

Любое внутриисторическое познание является аспектом исторического действия

М.В. Ремизов, кандидат философских наук

Профессионально я очень далек от математического моделирования, поэтому с образовательной точки зрения мне было интересно и полезно послушать доклад Д.С. Чернавского и некоторые другие выступления. Тем не менее, хочу поделиться некоторыми сомнениями по поводу прозвучавшего.

Я сразу почувствовал, что за методологической скромностью, которую демонстрирует докладчик, есть определенная философская амбиция.

Методологическая скромность состоит в том, что Вы не превращаете синергетику в некую новую «сверхнауку», а подчеркиваете, что это лишь условное обобщающее название для применения методов математического моделирования в различного рода исследованиях. И С.С. Сулакшин в этом подходе ас поддерживает. Эта позиция мне кажется вполне корректной и адекватной.

Тогда в чем философская амбиция? Она состоит в том, что сами математические методы мыслятся при этом как универсальный ключ к решению познавательных задач во всех сферах знания. Что априорных ограничений для точных методов исследования в гуманитарном познании нет, а существует в отдельных сферах лишь дефицит знаний и умений (вполне восполнимый со временем), поскольку, как было сказано, нет качественной разницы между предметом точных, естественных и гуманитарных наук. Это было сказано уже С.С. Сулакшиным и, насколько я понял, поддержано докладчиком.

Это весьма сильное утверждение. Скажу сразу, что я с ним не согласен. Но мне оно представляется интересным и продуктивным в смысле развития дискуссии — и не только

нашей сегодняшней дискуссии, но вообще сквозной дискуссии в философии и методологии науки.

Насколько я понимаю, это позиция с большой предысторией, позиция позитивизма. Попытка дать новое дыхание этой философской традиции действительно не может не выглядеть амбициозной. Ведь и «первый», и «второй», и «третий» позитивизм в принципе считаются провалившимися философскими программами. И это не случайно. В ходе этих волн философского «наступления» позитивизма обозначилось несколько теоретико-познавательных барьеров, которые не удалось взять, и которые, как мне представляется, по сей день, скажем так, «охраняют» территорию гуманитарного знания от экспансии точных наук.

Какие это барьеры? Все мне явно не перечислить, но попробую назвать некоторые из них.

Чтобы начать, будет полезно оттолкнуться от выступления В.Л. Римского. Вы сказали о том, что, если у историков есть претензии к математическим моделям, то у Вас, со своей стороны, есть претензии к истории. И это прозвучало заведомо двусмысленно: можно иметь претензии к истории как к описательной науке или претензии к истории как к процессу. Я сначала подумал, что Вы имеете в виду исключительно историю как описательную науку, недостаточно добросовестную. А потом понял, из Ваших пояснений, что Ваши претензии касаются истории как процесса — в том числе, исторических акторов (например, Сталина, который отдает устные, недокументированные распоряжения и тем самым затрудняет возможность достоверного познания для потомков, занимающихся исторической наукой). Т.е. Вы сами приводите пример того, что установление «бесспорных» исторических фактов иногда оказывается затруднено самой логикой их порождения. Но это самый простой уровень проблематизации идеи истории как точной науки.

А вот Ваш пример со свидетелем теракта, который сначала — пока не знал, что произошло — излагал сумбурные

ощущения, а потом, когда понял, что это был террористический акт, стал выдавать некую связную картину, касается более глубокой проблемы. Она касается того, что в позитивизме называется проблемой «протокольных фактов». Одна из опорных идей позитивизма и требований, которые он предъявляет к познанию, состояли в том, что необходимо выделить уровень протокольных, нейтрально и однозначно фиксируемых фактов, к которым эмпирическая наука может потом апеллировать в своих интерпретациях. Но выясняется, что протокольных фактов — особенно в сфере гуманитарного знания (здесь не буду говорить шире) — не существует. Что любой факт уже содержит в себе интерпретацию.

Вот, в данном случае факт — т. е. связная картина впечатлений — достраивается в сознании свидетеля только после того, как сознанием найдена рамка интерпретации. Методолог, историк, исследователь может это рассматривать как привнесенное извне искажение информации, которое он должен отшелушить и получить зерно достоверного знания. Но, во-первых, это не всегда возможно; во-вторых, это искажает существо предмета. Хайдеггер говорит в этой связи примерно следующее: мы должны произвести сложную абстракцию, чтобы услышать «чистый звук»; в действительности же, на уровне первичного опыта мы не слышим чистый звук, а слышим шум дождя, шаги пешеходов, гудки автомобилей.

То есть, все то, что мы воспринимаем как первичные факты, является в действительности фактами уже интерпретированными с помощью определенной когнитивной сетки, которая включает метафоры, присущие естественному языку, жизненный опыт, полученную (часто неверную) информацию и много чего такого, что уже никак не укладывается в эту логику протокольного факта.

Это один барьер для позитивистской программы, который был наиболее актуален для «второго позитивизма». Другой барьер касается в большей степени уже неопозитивизма,

логического позитивизма. Это проблема формализации естественного языка.

Ряд неординарных умов пришли в философию с идеей о том, что все философские проблемы основаны на неверном использовании языка. И для того, чтобы их устранить, необходимо использовать методы логики, обеспечивающие строгость выводов и однозначность терминов. Для этого необходимо формализовать язык философии, а вместе с ним и естественный язык, на который, в конечном счете, язык философии замыкается. Эта программа провалилась практически полностью. Точнее, она провалилась как философская программа, но попутно дала блестящий результат в сфере логики.

Лучшей иллюстрацией гениальной неудачи неопозитивистов считается Витгенштейн, который в логико-философском трактате начал с идеи «окончательного решения» философских проблем с помощью логических методов, а закончил теорией языковых игр, показывающей невозможность формализации естественного языка. Контекстуальность, неоднозначность, метафоричность являются не какими-то досадными шероховатостями «языковой ткани», а ее системообразующими свойствами. Это также делает невозможным стирание грани между гуманитарным и точным знанием.

Но третья проблема — с моей точки зрения, пожалуй, самая главная — это проблема вовлеченности наблюдателя. Она существует и в естественных науках, и там с ней как-то умеют работать (например, учитывая, что само наблюдение, сам эксперимент критически влияет на наблюдаемые объекты). Но в гуманитарной сфере она носит более фундаментальный характер. Здесь мы можем говорить не просто о вовлеченности, а об ангажированности наблюдателя. Некоторые считают, что от ангажированности ученый может абстрагироваться без ущерба для результата. В частности — несомненно. Но по существу, как мне кажется, прав Мангейм, который го-

ворит: «невозможно познавать историю, не желая что-либо получить от нее». Не в том смысле, что от этого желания никак нельзя избавиться, а в том смысле, что оно составляет внутреннее условие познания. Часть той оптики, которая необходима для фокусировки исторического взгляда.

О том же самом, естественно, говорит и Гегель, когда утверждает, что любое внутриисторическое познание является аспектом исторического действия — т. е. формой практики, борьбы (в том числе борьбы, ведущейся «задним числом»), а не чистого знания. И если не брать в расчет гипотезу конца истории (оставим ее на совести самого Гегеля и его космических амбиций), то историчность любого социально-гуманитарного знания — еще одно препятствие для его «ассимиляции» точной наукой.

Пожалуй, это все. Вкратце выразить то, что я хотел сказать, можно словами того же Хайдеггера. Гуманитарное знание, — говорит он, — должно быть строгим. Но именно для того, чтобы быть строгим, оно не должно быть точным.

О предмете и методе синергетики

В.Г. Буданов,
доктор философских наук,
кандидат физико-математических наук

Во-первых, замечу по поводу именования: термин «синергетика» прижился в России и в Германии, что является несомненной заслугой немецкого теоретика Германа Хакена — автора термина, хорошего физика и обаятельного человека. Один из отечественных лидеров синергетики, недавно ушедший от нас Сергей Павлович Курдюмов, говаривал, что само название направления не так уж и важно, лишь бы это был интегрирующий для научного сообщества термин. Недавно Г. Хакен поме-